

30 января. Анадырь

Дорогой Иверий!

Наконец-то я выбрался из Лаврентия, в котором застрял больше чем на месяц.

Никогда еще я не был в такой зависимости от обстоятельств, ни разу моя свобода (если исключить службу в армии) не была так ущемлена, а воля в такой степени парализована. И это притом что никто ни в чем меня не ограничивал. Я был волен в делах и поступках, ни от кого не зависел. В то же время я мог находиться лишь в ограниченном пространстве. Никакие заборы в Лаврентия не нужны: и без них никуда не денешься. Но теперь ясно, что без «заточения» в Лаврентия Чукотка была бы гораздо более далекой от того образа, который я составил.

Анадырь, серый и неприветливый, с бестолковым и хаотичным нагромождением типовых зданий, дыра, в которой некуда себя деть, показался едва ли не европейским центром, светочем цивилизации и средоточием культуры. Я не мог налюбоваться его архитектурой, жизненной мощью, ночными огнями, улицами и площадями, интеллигентными лицами — то есть всем тем, что месяц назад повергло меня в шок и вызвало неопишную тоску. Что же будет, когда вернусь в Москву? Какой предстанет столица, к которой я до сих пор оставался равнодушным? Поразительно, но я мечтаю пройти у Никитских ворот. Нет, больше я не обреку себя на подобное небрежение свободой. Буду лишь там, откуда можно выбраться и где всякое перемещение будет в полной зависимости от моего желания, а не от того, чего и не объяснишь...

Что значит: выбраться из далекого северного поселка?

Никто не знает, кроме жителей этих поселков. Единственный транспорт — самолеты и вертолеты, и летают они не по расписанию, хотя оно и имеется, а по воле случая. Зная это, северяне не ропщут, не негодуют, а отдают себя в руки Провидения и смиренно ждут: день, два, три... неделю, вторую, третью... Могут прождать и месяц, и два, столько, сколько надо. Не то что жители материка — дерганые, психованные, нервные. Задержка самолета на час-другой доставляет им муки. Если вылет задержится на сутки, они звереют, превращаются в агрессивную и на все готовую толпу, мечутся по аэровокзалам, атакуют начальство, пишут жалобы «наверх» и даже создают общественные комитеты. Самое неприятное, что они при этом носятся по залам ожиданий и цепляют лапами своей одежды мирно дремлющих граждан.

Кстати, кто эти невозмутимые граждане, третьи, четвертые или десятые сутки находящиеся в аэропортах Краснодара, Хабаровска или Москвы?

Это наши северяне, возвращающиеся из отпуска или, напротив, в отпуск направляющиеся. Не обязательно все они из Лаврентия, Анадыря, Певека или Эгвекинота. Возможно, они с других полярных широт. Север — большой! А вот мы, человеки, ма-а-ленькие. И если так, надо тихо сидеть, не роптать, умерить гордыню, потому что лишь Богу ведомо, надо ли нам, беспомощным и хилым, лететь тотчас или лучше задержаться на недельку-другую и подумать кое о чем...

«Мы, когда из отпуска возвращаемся, три-четыре дня посидим в Москве, потом недельку-другую в Хабаровске или Магадане, потом дней десять-пятнадцать в Анадыре... Пока домой доберешься, так устанешь, что хоть снова отпуск бери», — делилась впечатлениями одна степенная лаврентийка. Она же призналась, как однажды возвращалась из отпуска, и все эти пересадки-перелёты происходили без задержек, ожиданий и проволочек. Добралась до Лаврентия за три дня! Теперь, говорит, о том отпуске и вспомнить нечего...

Многодневное «сидение» в аэропортах требует не только выдержки и терпения, но и особенной культуры и специфической дорожной экономики. Если ты пребываешь в аэропорту неделю, надо так распорядиться деньгами, чтобы их хватило на сам отпуск. Малейшее расслабление в баре или ресторане может закончиться тем, что ехать дальше будет не на что. То же и дорога домой: в отпуске надо так тратить деньги, чтобы часть их осталась на многодневный обратный вояж. Ведь, даже благополучно долетев до анадырского аэропорта, можно уже в нем просидеть одну-две недели, дожидаясь, пока наладится погода. В результате всякая поездка невольно превращается в путешествие, с тяготами и лишениями, которые, кроме того, что закаляют нервы и делают выносливым, насыщают жизнь эмоциями и переживаниями. Да такими, что затем год или два можно обходиться без них.

Мне рассказали, как некий пассажир, добираясь до Уэлена, две недели прождал в Анадыре, затем столько же в Лаврентия, потом безнадежно застрял в самом Уэлене и... стал писателем. Он не сидел сложа руки, а записывал ощущения, впечатления, переживания, и не только свои, но и соседей по залам ожиданий. Он даже выведаль и переложил на бумагу галлюцинации, кои посещали самых нетерпеливых пассажиров. В итоге получилась любопытная книга.

А если к галлюцинациям добавить описание казенных стен, полов и потолков, рассказать подробно о сидениях и скамейках, косяках, дверных ручках и о самих дверях да расписать их скрип (ведь не найти в России нескрипящую дверь!), если скрупулезно разобрать граффити на стенах туалетов и буфетов, вывести образы буфетчиц, уборщиц и кассиров, показать диспетчеров, летчиков, стюардесс, попутчиков, запечатлеть их говор, изобразить походки, раскрыть характеры, а уж если заглянуть в их души...

Здесь не очерки и даже не романы — эпосы писать можно. И если только не закончился век книги и возможны великие литераторы, то только у нас, в России, из её душераздирающих

недр, может произойти нечто значительное на этом, казалось, уходящем поприще.

Как же я выбрался из Лаврентия?

Все планы и многое сверх того я выполнил ко второму января и был готов вернуться в Анадырь, куда меня обещали доставить первым же бортом. Отдаю должное — слово сдержали. Вот только первый борт пришлось ждать месяц.

Сначала были новогодние праздники, и потому самолеты не летали. Потом новогодние праздники плавно перешли в рождественские, в дни которых работать — еще больший грех, чем в новогодние. Затем, когда закончились праздники и можно было улетать, началась пурга...

Если по прошествии двух месяцев пребывания на Крайнем Севере меня попросят назвать самое впечатляющее из всего, что я здесь увидел и с чем Чукотка будет ассоциироваться до конца моих дней, отвечу не задумываясь. Но назову не сине-розовые сопки, не чудных оленей, не диковинных моржей, не загадочную ярангу, не собачью упряжку и даже не северных красавиц, хотя все они символы Чукотки. Я назову пургу. Она — настоящая хозяйка Чукотки и десница Божия в этом крае.

Кто здесь был и не пережил пургу, тот не знает Чукотки. Напротив, тот, кто на Чукотке не был, но хотя бы раз попал в пургу, даже если случится она в Африке, сможет составить представление о Чукотке.

Люди гадают: какого цвета пурга? И одни уверяют — белая, другим она кажется серой, третьи убеждены, что пурга синяя, а есть такие, которым пурга видится черной... Сколь однобоки эти суждения! Столь же нелепо выяснять, какого цвета Джоконда.

Многие задаются вопросом: как звучит пурга? Завывает ли, словно голодный полярный волк, или рычит, как истосковавшийся белый медведь, а может, она хрипит, подобно могучему

гренландскому киту? Или, быть может, пурга порождает шум стаи полярных птиц, еще неведомых человеку?

Всякое сравнение уместно и вместе с тем неточно. Ведь то, что слышит один, по-иному слышит другой и совсем не слышит третий, потому что звучание пурги многомерно и многоголосно. Это нескончаемая месса, состоящая из бесчисленных хоров и оркестров, дирижирует которыми Сам Господь.

А есть ли у пурги запах?

Конечно. Не может столь грандиозное действо обойтись без запаха. Но если он существует, то каков он? И кто сможет его определить? Ведь для этого во время самой страшной пурги нужно выйти из дома, встать на открытое, незащищенное место и обратиться к стихии лицом... Только отчаянного безумца, решившегося на эту дерзость, пурга наградит необычайным, ни с чем не сравнимым ароматом, соединившим влажные запахи северного моря со свежим дыханием прибрежной тундры.

О-о-о! Даже глоток этого опьяняющего коктейля испить под силу не каждому.

Сама пурга — великая тайна. Никто не знает, когда она начнется, откуда придет, тем более — когда закончится. Пытаясь предсказать стихию, самонадеянные люди будут указывать на солнце и луну, на звезды и на собак, станут что-то выискивать в поведении детей, прислушиваться к старикам... Все это к пурге отношения не имеет. Стар и млад, опытные метеорологи и коренные жители, полвека прожившие в тундре, бессильны в прогнозах. Пурга неподвластна им, и я свидетель, как рушились самые авторитетные предсказания. Пурга всегда действует по-своему.

Седьмого января намечался рейс в Анадырь, но за сутки до этого с запада подул ветер, и началась пурга. Как мне объяснили — «низовая». Не было ни единого облачка, солнце сияло ярче обычного, но по земле стелился бушующий ураган, нещадно выметая остатки снега из лаврентьевских закоулков. Спустя сутки

от снежного покрова не осталось и следа. Вместо снега пурга забавлялась песком, кружила его и уносила в сторону Берингова пролива. Стать против этого обжигающего потока — все равно что ошкурить себя наждачкой. Я ликовал: наконец-то! Но мне говорили, что это только легкий ветерок...

Лаврентьевцы утверждают: если пурга длится три дня и не стихает, значит, продолжится до шести; если не утихнет в шесть дней — будет бушевать девять, и так далее с циклом в три дня. Так во Франции подают к столу сыры: обязательно в нечетном количестве — один, три, пять, семь... Но изысканный сыр — во власти французов, а пурга не подвластна никому. То, что происходило, опровергало всё, о чем предупреждали местные жители. Пурга длилась и пять, и четыре, и восемь суток кряду. Она подкрадывалась к Лаврентия с разных сторон, но набрасывалась на поселок только с запада. И это было единственное предсказуемое действие стихии.

*...Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь, остервенясь,
На город кинулась...*

Если бы Александр Сергеевич заменил только одно слово («Неву» на «пургу»), ничего более точного о поведении пурги сказать было бы уже невозможно...

Пробушевав несколько суток, пурга затихала, дразня тех, кто мечтал вырваться из Лаврентия, но, едва надежды укреплялись, она возобновлялась. Пурга менялась и преображалась, становилась влажной, сухой, низовой, верховой — какой угодно, но только не останавливалась. Так хозяин дорогого ресторана, демонстрируя меню богатому гостю, обхаживает его, подкладывает лакомые кусочки и спрашивает: «Ну как?» И когда, кажется, уже

испробовано все и не осталось блюда, которое бы не было вкушено, хозяин прищелкивает пальчиками: «А у меня припасено еще кое-что!»

Кроме того, что пурга непредсказуема, она не поддается заговору или заклинанию. Ни шаманы, ни колдуны, с их камланиями и причитаниями, ничего с нею не поделают. Пурга — сама колдунья, шаманка и заклинательница. Она — королева и владычица Чукотки. Покорства, благоговения и безоговорочного смирения — вот чего требует пурга. И добивается своего.

Никто не освободит из-под власти пурги. Даже самые сильные и могущественные мира сего, самые отважные и отчаянные не вырвут из её плена. И если владыки супердержав прикажут вытащить вас из объятий стихии и доставить к себе, это вызовет зловещую ухмылку пурги. Власть человека заканчивается с первым ее вздохом...

Антон Павлович Чехов, проезжая в поезде по нашим бескрайним просторам, записал на станции в Екатеринбурге: «На улице снег, и я нарочно опустил занавеску на окна, чтобы не видеть этой азиатчины».

А я, сидя в своем лаврентьевском убежище, плотно занавешивал окно, чтобы не видеть того, что за окном... ничего не видно.

Удивительно, но по прошествии времени начинаешь понимать: пурга вовсе не равнодушна и далеко не бесчувственна. Не напрасно кружит она дни и ночи и не случайно не выпускает из своих рук. И если пурга продолжает хозяйничать, значит, не все ее планы приведены в исполнение, значит, и ты еще не все понял, не все прочувствовал, не все вопросы задал себе. Глядя на нескончаемую стихию, не надо просить, чтобы она затихла. Лучше спроси себя: что еще не сделано и о чем еще не подумано, коль скоро пурга дает шанс еще раз обратиться к себе?

Пурга не зла и не жестока. Напротив, она добра и гуманна. И прежде чем считать её жертв — замерзших, потерявшихся,

исчезнувших, — уместнее задуматься о том, скольких торопливых и самоуверенных удержала пурга от опрометчивых шагов! Скольких отчаянных смельчаков она заставила считаться с собою и тем спасла! Скольких пурга северная сделала кроткими, смилив их гордыню — этот величайший грех!

Вот, говорят, пурга началась, и человек замерз, пропал, исчез... А зачем он искушал стихию? Почему пошел тогда, когда не следовало бы идти? Уверяю, ни одной жертвы не было по вине пурги. Но всякая гибель — урок остальным, в особенности тем, у кого короткая память.

Ошибочно считать, будто пурга, удерживая в своем плену, наказывает. Напротив, она благоволит, оказывает расположение. И чем дольше ты остаешься ее пленником — тем это почетнее, тем ты значительнее и желаннее. Ведь не чья-то злая воля, не властный указ, но сам Господь сокрыл тебя под Своей сенью, успокоил и дал шанс творить. Не потому ли именно под неистовые и могучие симфонии пурги были рождены высшие достижения северного искусства? Там, в теплом пологе яранги, под тусклой лучиной жирника, рождались шедевры из кости, придумывались легенды и сказания, создавалось замечательное шитье, изобретались приспособления для охоты и рыболовства, обдумывались способы ловли морского зверя.

Мне рассказали, как в один из зимних дней в Лаврентия прилетел известный художник. Заметив, что надвигается пурга и ему грозит многодневное заточение, он забрался обратно в самолет и улетел. Поверь, ничего не стоило пурге вернуть самолет, пусть и поднявшийся в воздух. Но пурга не стала тратить свое благоволение попусту. Она отпустила художника с миром и без тени сожаления...

Когда пурга немного притихла, я выбрался в магазин, где стал участником обсуждения стихии. Кто-то сказал, что, согласно поверью, пурга не закончится, пока не похоронят человека, скончавшегося еще в канун Нового года.

— Почему же его не похоронят? — спросил я.

— Пока не стихнет пурга, кладбище не отыщешь, — ответили мне.

— Но ведь вы говорите, что она потому и не стихает, что не хоронят!

— Верно, — отвечают.

— Так что же делать?

— Ждать, пока стихнет.

Вот какая логика!

В один из вечеров я наблюдал по телевизору оживленную дискуссию о цензуре, о том, нужна ли она в современной России, во благо ли будет ее введение или во вред... Один из участников — могущественный олигарх — доказывал, что цензура нужна, потому что журналисты теряют чувство меры, вываливая на головы людей потоки грязи. Другой участник — уважаемый политик — доказывал, что цензура не нужна, что люди в состоянии отделять зерна от плевел... Но вдруг на самом интересном месте дискуссия прекратилась: осерчавшая пурга разорвала кабель, идущий от ретранслятора. Отключились также телефон и радио. К счастью, пурга оставила электричество. Теперь мне понятно, почему на Севере трудно скрывать правду, даже если ввести самую жесткую цензуру. Одна большая и неоспоримая Правда открыта каждому: человек — карлик, он ничтожен и беспомощен перед ликом Божиим.

Шестнадцатого января пурга наконец стихла. К вечеру показались звезды — предвестники хорошей погоды. Несмолкаемые грохот и рев сменились порывами, которые становились все реже, и ночью пурга лишь тихо подвывала, иногда замолкая вовсе. Тишина казалась непривычной. Впервые за десять дней я услышал ласковый шум лаврентьевских котельных, до пурги казавшийся мне нестерпимым. Утром показалось солнце... Но оно еще только восходило, как усилился ветер. Вскоре стало ясно, что пурга ушла лишь для того, чтобы набрать разбег. К вечеру она всю бушевала, а ночью проявилась в доселе невиданном буйстве.

Снежные лавины с грохотом и воплем проносились вдоль главной улицы. Плотность этой массы была такова, что не было видно домов на противоположной стороне. Я выходил на крыльцо и с восторгом обозревал стихию. Но если бы я высунулся за угол, убийственный поток смел бы меня и унес неведомо куда.

Если бы подобное хотя бы на минуту... Что я говорю! На тридцать секунд, даже на десять случись такое в Москве, в мире бы не было теле- и радиостанции, ни одной газеты, которые на первый план не вынесли бы сводку об этой катастрофе.

Как можно здесь жить? Как здесь любить, строить дома, выпекать хлеб?... Как можно рожать детей, растить и воспитывать их?

Но вот во время страшной пурги, когда за десять шагов ничего не видно и бесследно пропасть можно в центре поселка, я задал эти вопросы пожилой эскимоске. И она ответила, улыбаясь:

«А мне нравится такая пурга, я люблю этот ветер и этот шум... В детстве нас связывали веревкой друг с другом, и мы цепочкой шли по улицам нашего Наукана. Это очень хорошая погода! Это наша погода! Жара невыносима, мы от нее изнемогаем. Но когда вокруг все бушует и сопки не видны, и вообще ничего не видно, тогда мое сердце наполняется радостью и свободой... Хочется петь и танцевать! Это самая лучшая погода!»

Вот для кого Чукотка!

Вернусь к своему отлету из Лаврентия.

Пурга ненадолго останавливалась, давая шанс выбраться. На одиннадцатое был заказан транспортный рейс из Анадыря, которым меня грозились вывезти. Однако выяснилось, что начало Нового года, века и тысячелетия — хороший повод для введения строгого режима экономии, и потому на рейс не нашлось денег. Через четыре дня ожидался прилет пассажирского самолета, и — о чудо! — погода установилась замечательная. Ветер почти стих. Казалось, бери и лети, но... Это в Лаврентия, куда должен приле-

теть самолет, замечательная погода. А в Анадыре, откуда он вылетает, погода ужасная. Там всюду бушует пурга.

— Надолго? — спрашиваю у работников администрации.

— Кто его знает? — отвечают.

— Как же я улечу в Анадырь?

— А мы как летаем?

— Но я не могу больше здесь оставаться.

— А мы можем?

— У меня уже сил нет! — раздражаюсь я.

— А у нас есть? — спокойно отвечают.

И я остался в Лаврентия дожидаться случая, который позволит вылететь.

Вот так! Едва установится погода в Лаврентия — задует не с того боку в Анадыре; только успокоится в Анадыре — начнется пурга в Лаврентия; наладится погода в Лаврентия и Анадыре — заметет в Провидения.

— При чем здесь Провидения?

— Как при чем? Там находится запасной аэродром, без которого самолет не может вылететь: нельзя рисковать здоровьем граждан, — втолковывали мне.

— Так у меня уже не осталось здоровья, — жаловался я, но меня успокаивали и говорили, что я выгляжу намного лучше, чем когда только прилетел в Лаврентия.

В один из дней стих ветер и наладилась погода во всех трех пунктах. Я стал собирать вещи. Вдруг мне сообщили, что на близлежащие сопки, по которым ориентируются летчики, опустился туман и их вроде бы не стало видно.

— Как же не видны сопки, когда я их вижу? Вот они, посмотрите! — возмутился я в приемной у главы администрации, призывая присутствующих ответработников выглянуть в окно.

— Это не те сопки. Тех, что надо видеть, как раз и не видать, — отвечали работники, не поднимая головы и поправляя теплые оренбургские шали.

В один из дней все совпало. Погода наладилась, тумана не было, ветра — тоже, и даже солнце всюду светило. И так повсюду: в Анадыре, в Providения, в Магадане и даже в Воронеже... Лети — не хочу... Но тут у работников аэропорта наступили выходные дни. Суббота и воскресенье, как у всех, а понедельник — специальный.

— Какие у них могут быть выходные? — возмутился я.

— А что, они, по-вашему, не люди? — ответили мне.

— Но ведь две недели самолеты не летали! Могли отдохнуть.

— Кто же в рабочие дни отдыхает?

Ну а после того, как заканчивались выходные дни у аэропортовых работников, возобновлялась пурга — и так далее, бесконечно. Я ругал и клял этих работников, призывал посадить их за саботаж, но, когда вник в суть дела, понял, что каждому из них надо поставить памятник. Да не в Лаврентия — в Москве!

Кто знает, что такое почистить полосу к прилету самолета? Как это успеть за сутки, если она занесена по пояс, а снег утрамбован пургой так, что по нему можно ходить, как по асфальту? А техника? Кто, кроме аэропортовых работников, знает, в каком она состоянии? Единственная снегоуборочная машина на полуострове Дауркина дышит на ладан, и, случись что с нею, погибнет Лаврентия. А если занесет снегом гаражные ворота, где стоит эта машина? Или вдруг эти ворота заклинит?.. Все! Машина не выйдет, полоса не расчистится, самолет не прилетит... Кстати, самолеты здесь могут садиться и взлетать только в дневное время, когда видны окрестные сопки, а зимой день длится всего два-три часа...

— Ну когда же я улечу? — с безнадежной тоской спрашивал я лаврентьевцев.

— Обязательно улетите, — отвечали мне с жалостливой улыбкой. — Куда же вы денетесь? Посидите, отдохните, почитайте что-нибудь.

— Я уже отдохнул, все, что можно, перечитал, заканчиваю «Войну и мир»...

— А вы возьмите «Анну Каренину». Очень хорошо читаются здесь такие книги, — советовали мне.

Но вот случилось, что у всех закончились выходные, завершились праздники, расчистили полосу, приготовили все, что только можно, для прилета самолета, погода установилась на всей Чукотке, на всей Земле... Кроме Певека.

— При чем здесь Певек? Это же в другой части Чукотки! — кричал я.

— При том, что туда улетел самолет, — спокойно объяснили мне. — Он же не стоит без дела и, если нет погоды в Лаврентия, летит в Марково, в Билибино или в тот же Певек. Кто же виноват, что там началась пурга?

И я оставался в Лаврентия и сходил с ума от этих десятков и сотен причин. Можно даже оказаться в самолете, пристегнуть ремни, просидеть часа два-три... Затем покинуть салон, вернуться в зал ожидания и прождать вылета неделю-другую.

Мне рассказали, видимо желая успокоить, как однажды пассажиры, прождавшие две недели в Анадыре, сели в самолет, который благополучно долетел до залива Святого Лаврентия, сделал заход на посадку, и пассажиры уже находились в предвкушении встречи с родными и даже видели их из иллюминаторов. Но... Неожиданно началась пурга, и самолет, набрав высоту, вернулся в Анадырь, где выгрузившиеся северяне просидели в зале ожидания еще полмесяца!

Но, что удивительно, Лаврентия ни за что не позволит оставить о себе дурные и пасмурные впечатления. Ведь покинуть его можно только в ясную, солнечную погоду, когда видны сопки, залив, голубое небо и добрые лица провожающих. И если первые впечатления — наиболее точные, то последние — самые запоминающиеся. Не от них ли особая лаврентьевская сентиментальность и желание обязательно вернуться? Не от того ли родилась песня, которую любят и те, кто навсегда уезжает, и те, которые всё еще здесь остаются?

ПРОЩАЛЬНАЯ

Стихи и музыка Федора Лыженко

И вот настало время расставанья,
До вылета лишь несколько минут,
Друзья собрались в зале ожидания —
Ободрят взглядом, головой кивнут.

Капризную чукотскую погоду
Нам не забыть, наверно, до конца.
Но, покидая навсегда Чукотку,
Мы оставляем здесь свои сердца.

Мы улетаем, увозя с собою
Сиянья северного призрачный узор.
Одно лишь только не дает покоя —
Его не будем видеть с этих пор.

И первые весенние туманы,
И те цветы, что восхищают глаз, —
Все это будет, будет на Чукотке,
И как ни горько, но уже без нас!

И если вдруг нам вспоминать придется,
Где лучшие у нас прошли года,
Наверняка мы вспомним о Чукотке,
И сердце вновь запросится туда...